

Александр Борзов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Пассажиры

Александр Борзов

Пассажиры

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Борзов А. М.

Пассажиры / А. М. Борзов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07290-9

В данный сборник вошли три рассказа - "История одной Болезни", "Роль одной роли" и "Пассажиры". Герои этих рассказов ищут себя и пытаются всеми силами избавиться от установок "как надо жить", которые они получили еще в детстве по наследству. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07290-9

© Борзов А. М., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

История одной Болезни	5
Роль одной роли	9
Пьеса «Медицинская экСтриптиза»	18
Действующие лица	18
Действие 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

История одной Болезни

Когда-то давным-давно в Ретроград приезжал бродячий цирк. В те времена он пользовался популярностью и был способен развлечь пресытившуюся публику. Артисты давали представление в Старом Городе на Рыночной площади. Народу было полно, в сооружённом циркачами шатре царила атмосфера балагана и ярмарки. Кто-то сидел за столиками, кто-то стоял и пританцовывал, а дети и вовсе кланчили у родителей деньги на сладости, которые подавались в палатках у самого шатра. Публика была разного сорта. Все пили и курили, а проходящих мимо официантов тормозили и просили ещё что-нибудь выпить и поесть. Стоял шум и гам. Пахло потом, бифштексами и тёмным пивом.

Среди зрителей сидел прилично одетый человек в сером пальто. Это был Творец. Он курил сигарету за сигаретой, и пепельница была похожа на разрушенный город из окурков. Другой рукой он нервно гладил свои длинные чёрные волосы и расчёсывал макушку. Когда сцену покинула группа карликов, вышел ведущий. Он представил нового артиста, и маленький оркестр заиграл на барабанах и трубах. Вышел обычный человек, который стал выгибать конечности неестественным образом так, что зрители ахали. Они ахали так, словно это им вывернули руки и ноги. Но для человека такие выгибания были абсолютно нормальным явлением. Затем он взял пальцами себя за обе щеки, и кожа растянулась.

«Словно маску снимает», – подумал Творец и ткнул в гору окурков докуренную сигарету. Он глотнул пиво из жестяного стакана и облизал с губ густую пену. Артист продолжал растягивать кожу. Публика сморщилась, раскрыв рты. Но торжествовала.

Творец восхищался искусством артиста. Ему казалось, что он вовсе и не снимает маску. Потому что это его истинное лицо. Смысл что-либо снимать? А что он, сам Творец? Много месяцев он бродил в одиночестве и думал о своей Болезни. Та, что причиняет неудобства в Жизни. А может, даже и в Творчестве? Любое своё Творение он создавал с большим трудом. Людям нравилось то, что он делает. Они даже восхищались им. Но они не знали, что создание Творения для Творца было сродни тому, если исполосовать себя ножом и кинуть в спирт. Раны жгли, чесались и кричали. Громко и удивлённо, словно они орала Творцу: «Да ты с ума сошёл???»

Ум, подаренный ему Господом Богом, а затем выструганный Творцом до мастерства. Что ему это давало? Восхищение публики. Интеллектуальную пищу для них. Идеи для мыслителей и учёных. Связи с влиятельными людьми. Но в то же время за ним изрядно поохотились религиозные фанатики, а люди из правительства пытались вести за ним слежку. То, что делал Творец, считали вместилищем социально опасных идей, расшатыванием спокойствия. Легко ли быть гением?

«И гений ли я? – спрашивал себя Творец. – Разве это так важно?»

Он вспомнил свою Музу, с которой много лет связывал свою жизнь, родившую ему трёх детей. Они до сих пор были вместе. Но сколько могло так продолжаться? Ведь его Семье больно наблюдать за ним. Как он мучается, мечется и уходит в тёмные низы своего сознания.

«Я не могу смотреть, как ты болеешь!» – плакала жена.

«Пап, а ты погуляешь с нами?» – спрашивали дети. Хотя знали, что нет. Папа заперт в комнате.

Заперт в безумии. Но папа вас любит.

Творец вспомнил свои разговоры с Врачом. Это был молодой бородатый мужчина, энергичный и сильный, с пронизательным взглядом. Творец ещё тогда заметил, что на ладонях у Врача видны следы от колотых ран. Доктор долго просматривал бумаги о показаниях Болезни.

– Выбирать вам, – сказал он, когда положил бумаги на стол, – мы все творцы своей жизни.

– Разве не Бог? Может, мне суждено жить со своей Болезнью.

– Бог тоже творец. А точнее, он Отец наш.

«Отец наш. Хм, странно слышать такие рассуждения от Врача, хотя...» – и Творец приоткрыл к его внешности ещё раз. Он обратил внимание на зажившие точки на ладонях.

– Важно понять, – продолжал Врач, – что вы, я и все остальные живые существа – творцы, дети Его. И от вас зависит – вылечитесь вы или нет. От меня зависит – как вылечу я вас. Но я знаю, что делаю, ведь за моей спиной накопленный опыт, и это всё я. Моё мастерство. Им я пользуюсь. Понимаете?

Творец кивнул.

– Тогда вопрос следующий: вы хотите жить с этой Болезнью? Она причиняет лично вам дискомфорт и вашей Семье?

Творец задумался. Он боялся сказать «Да». За этим ответом последует совет «Лечиться». Ему это надо? Врач тем временем зашуршал другими бумагами и внимательно их изучал.

– У вас паранойя. Вы боитесь каких-то монстров, периодически слышите голоса и даже разговариваете с ними. Вы также утверждаете, что именно они помогают вам творить. Сколько же стульев и столов полетело в стену, сколько раз вы бились головой и удалялись в свою комнату на много недель, никого туда не впуская? Сколько было криков? Вы сами слышали, что это сказал не я, а ваша Муза. Вы подтвердили. И вам было неудобно.

Творцу было не то чтобы неудобно. Ему было страшно. За Семью.

– Что я буду делать дальше? – спросил он. – Как я смогу творить и зарабатывать, если эта Болезнь давала мне идеи...

– Причуды дают идеи, ваша неординарность... Многие говорят, что люди с иным складом ума немного чудики. Это так. Но часть таких людей больна. Не путайте причуды с Болезнью. Болезнь касается всех, причуды – нет. У вас психическое отклонение. Вы больны.

– Но ведь именно прошлое рисует нашу жизнь! Я всё понимаю. Мои руки и ноги целы, голова, правда, не очень. Но зато Муза и дети в полном здравии... Казалось, чего мне страдать-то?

– Они пока в полном здравии, – поправил Врач, – но, признаться, сейчас они напуганы.

– Ответьте мне, пожалуйста, а создал бы кто-то хоть что-нибудь, если бы не испил чашу страданий?

– Это жизнь. Наш опыт – и хорошее, и плохое. Не путайте Творцов, умерших голодной смертью. Вот они страдали, а те, кто получал наследства, просто сидел дома, путешествовал и творил – не страдали. От нечего делать они создавали себе иллюзию жертвы. Вот скажите, вам нравится страдание?

– Я сам не знаю. Эта Болезнь мешает моей Семье. Я не хочу их терять.

– А вы считаете, что можно творить только в муках? Неужели нельзя загнать свои страхи и боли в аквариум? Представьте, там плавают уродливые рыбки редких видов. На них можно смотреть, можно анализировать и, наконец, творить в спокойной обстановке. Обязательно самому купаться в аквариуме, когда сам достаточно, как вы сказали, испил чашу страданий?

– Материал должен быть достоверным.

– Вы пережили это один раз. Хватит. Слушайте, мне кажется, вы слишком много читаете нашу русскую литературу. Не путайте беспокойство и страдание. Увы, это часть русского менталитета.

– Что есть, то есть.

– Беспокоиться и переживать, когда творишь, – это нормально. Ненормально – страдать! Ваша Болезнь заставляет вас чувствовать себя тесно и ужасно. Это следствие. А причина не в творчестве. Причина в том, что вы зашли слишком далеко, – и Врач постучал себя указательным пальцем по лбу, – вы попытались взять те знания, которые ещё не надлежит знать нашему миру. А может, просто не суждено. И не надо. Оттого-то вы и беситесь, что не можете найти ключ к этим знаниям.

«Может, в душе эти артисты счастливы? – думал Творец, когда на сцену вышел снова ведущий. – Уберите это уродство, эти изъязны с их тел, и им нечем будет зарабатывать. Им мешает этот изъян жить? Эта Болезнь? Вот моя Болезнь мешает мне жить. Моё уродство».

На сцену тем временем вывели верблюда. В шатре воцарилось молчание. Все затаили дыхание. Эмоции, которые испытал Творец вместе со зрителями, были сродни страшному удивлению и неверию в происходящее. Потому что на сцену вышла десятилетняя девочка. Она в точности копировала повадки верблюда, особенно его походку, ползая на четвереньках. И зрелище выглядело натуральным. Не просто выглядело, а было настоящим.

«Если бы не это уродство, они бы заработали состояние другим путем, – сказал себе Творец, – как такое можно вылечить? И захотели бы они вылечиться?».

Ноги девочки были как у верблюда, с коленями, вогнутыми внутрь. Они были её визитной карточкой. Её пропитанием. Кому бы она нужна была, если бы ноги не были так деформированы? Это была бы обычная симпатичная девочка. Но Творец был уверен, что она была готова вылечиться, если медицина знала выходы из таких положений. Вопрос другой, она привыкла быть внешне необычной, и как она справилась с враждебным миром обычных людей?

«Не всем суждено вылечиться. Будь то физическое или психическое уродство. А у вас есть шанс. Примите это!» – услышал Творец голос Врача.

В это время на сцену вышли любимцы публики – три бородатые девушки с веерами. Под весёлую мелодию оркестра они пели хриплыми голосами. Творец не стал досматривать. Он допил пиво, расплатился и вышел.

Творец бродил по улицам Старого Города. Вот он прошел мимо таверн, кофеен и прилавков. Творец дошел до Рыцарской Площади. Остановился у фонтана и зачерпнул немного воды, чтобы охладить лицо. В фонтане он усмотрел маленькую статую рыцаря. Храброго и величественного.

«Но что у тебя было бы внутри, будь ты настоящим? Внешне ты красив и могущественен, а внутри у тебя был бы болезненный хаос! Зачастую так и происходит. Изъязны везде».

Он посмотрел на своё отражение в воде. Творец не видел себя. Отражение рябило и растягивало потемневшее лицо. Он ушёл дальше, в гущу узких переулков. Начинало темнеть. Стадия, когда небо становится тёмно-серым. И весь город казался тёмно-серым, он был похож на недавнюю пепельницу Творца. Он боялся даже дышать, точно дыхание могло создать взрыв золы. И облепить стены этого странного города.

«Где-то здесь дом 37», – бормотал себе под нос Творец.

Он нашёл этот дом. Чёрный (как зола) и перекошенный как окуроч. Когда он зашёл в подъезд и поднимался по лестнице, громко шаркая по ступенькам, то стал слышать знакомые голоса.

«Не ходи туда! – говорили они. – Нам славно живётся вместе. Ты не станешь прежним!»

– Я хочу быть счастливым.

«Всё познается в страданиях!»

– Но жить нужно поодаль от них! – и он вспомнил про аквариум с уродливыми рыбками.

Походка Творца была неровной. Он качался из стороны в сторону, его трясло так, что он мог упасть, и поэтому он опирался на перила и позволял себе небольшую передышку. Эти голоса. Они словно схватили его за ноги и пытались уволочь обратно на нижний этаж. Они словно готовы были даже скатить его кубарем вниз, убить его, расшибить череп в лепёшку. Но только не туда. Наверх.

«Ваши причуды заболели. Их нужно вылечить», – вспомнились слова Врача.

С этим воспоминанием Творец дрожащим пальцем нажал на звонок. Один раз. И легонько.

Дверь тут же отворилась, и его приняли.

– Я ждал вас, – сказал Врач, когда они оказались в небольшой комнате с койкой по центру.

– Я не понимаю. Почему кому-то суждено родиться физическим инвалидом или духовным калекой? Я же родился физически здоровым и здравомыслящим. Просто сейчас заболел. Но где всё-таки логика, что кто-то рождается и живёт в мучениях?

– Именно это не дано нам всем понять. Именно эти запретные знания вы захотели всему Миру разложить по полочкам. Есть много причин и следствий. Подобные шутки с Высшими Силами плохи. Скажу одно, что для природы все существа прекрасны.

– Теперь я понимаю вас. Но хочу сказать, что мне тяжело воспринимать страдания людей, тех, кто потерял руку, умер от голода или потерял своих родных на войне и в мирное время. В своём Творчестве я как бы страдаю вместе с ними.

– Вбирать в себя эти чувства не ваша роль. Предоставьте это мне.

– Вам?

– Я вылечу вас. Вы не страдаете, вы беспокоитесь и переживаете. Болезнь деформировала эти понятия в страдания. Вы просто чувствительный человек, – Врач остановился и стал звенеть инструментами на столе. Он продолжил:

– Вы мне как-то рассказывали, что тоже теряли друзей и близких и даже сами были на грани жизни и смерти. То было как раз страданием, потому что это коснулось лично вас. Вы смогли потом творить? Нет. Понадобилось время, чтобы всё осело внутри вас, и спустя долгое время вы смогли опять творить, опираясь на этот горький опыт. Но то время, когда вы творили, было не страданием, а беспокойством и переживанием, давно зажившим, но пульсирующим шрамом. Это как раз переживание ушедшего кошмара. Верьте мне, и я заберу это у вас с собой.

– С собой? Но что главное в этом Мире? Получается, я сам? Моя семья и всё, что касается меня...

– Главное – это дарить свою энергию себе, и всем, кого любишь, и тем, кто нуждается в ней.

– Спасительную энергию... – сказал Творец, когда Врач уже натягивал на свои руки перчатки.

Он разделся и лёг на койку. Что было дальше, он не помнил. Он уснул в этой едва освещённой комнатке. Затылок тонул в животе подушки, точно она хотела закрыть мягкими руками его лицо. Творец ничего не почувствовал. В последнюю секунду ему показалось, что Врач – тайный враг его и завистник, который хочет его погубить. Но мысли эти улетучились. Болезнь должна была уйти. Творцу снилось, как чья-то (Врача?) рука в перчатке берёт пепельницу с окурками и аккуратно (чтобы дыханием не спровоцировать взрыв пепла и золы) высыпает в аквариум. А затем, через какое-то время пепел рассеялся в воде, а окурки ожили и превратились в редкие виды рыб. Они были внешне уродцами, отталкивающими, но при этом манящими и любопытными.

Сон уходил, Творец просыпался. И в этом межвременье он слышал голос Врача:

– Воспримите Болезнь как очередной этап в жизни. Может, так надо? Чтобы вы вылечились и сотворили на своём пути что-нибудь стоящее? Талант не зависит от Болезней. Он либо есть, либо его нет. Он вбирает всё пережитое. Не все творят. Например, не все артисты из цирка уродов могут развлекать публику. Есть много людей с причудами и Болезнями, жизнь которых богаче или ужаснее Творцов. Но они просто не творят. У них нет этого таланта, и они не хотят этим заниматься. Значит, всё дело в таланте.

Творец уже бежал домой. Он жил неподалёку от дома Врача и спешил, чуть ли не спотыкаясь. Ему хотелось как можно скорее ворваться в свой дом, обнять родных и любимых, побеседовать с ними за обеденным столом, а потом...

«А потом сотворить что-то новое! У меня идея!»

И весь Творец ожил Счастьем. Задышал им. И расцвёл.

28–30 января, 2019

Роль одной роли

Семён Ефимов спешил на встречу. Молодой человек уже доехал на автобусе до Центрального района и вышел на остановке. Он оказался в эпицентре вечерней суеты, которая разгорается под конец буднего дня. Машины неслись как пули, а пешеходы кучковались на перекрёстках, остановках и в подземных переходах. Было уже темно и холодно. Кто-то нёсся с работы домой, а кто-то спешил провести время в хорошей компании за кружкой пива в баре.

Но Семён торопился не туда. Он стоял на большом перекрёстке и злился, что зелёный свет горит всего 10 секунд, и потому он не успел добежать от одного светофора к другому. Пришлось ждать.

Время – 18:50. Он опоздал. До книжного магазина «Обчитыши» всего минута ходьбы. Наверняка все места на втором этаже заняты, и Семён не увидит своего кумира. Как-никак, а знаменитость, которую знает каждый человек в России. В конце концов, ему не нужны спины людей, ему нужен он!

Семён побежал, обгоняя медлительных пешеходов. Вот уже перед ним открылось большое и длинное двухэтажное здание. Разноцветная надпись «Обчитыши» плясала, опьяняла и приглашала словно не к покупкам книг, а в какой-нибудь наркоманский притон. У самого входа Семён чуть не столкнулся с двумя ровесниками. Это были мужчина и девушка.

– Простите, – сказал Семён.

– Стойте, – остановил его мужчина, – простите, а вы случайно не на встречу с Перфиловым?

Семён остановился. Всё тело покраснело и размякло от пота. Он едва сдерживал дыхание.

– Да, – ответил он.

– Вы знаете, – продолжил мужчина, – а его нет.

– То есть как нет? Встреча в 7 часов же...

– А вы загляните сами. Он словно исчез.

– Испарился, – вставила уже девушка, поправляя очки.

– Да о чём вы? – взбесился Семён и забежал в магазин.

В помещении приятно пахло книжной бумагой. Семён пробежал через узкие полки с книгами, обходя покупателей. У самой лестницы на второй этаж он увидел стенд с информацией:

«Уважаемые читатели!

Знаменитый писатель Владислав Перфилов сегодня не будет присутствовать на встрече, запланированной в нашем литературном кафе в 19:00. Но вы всё ещё можете приобрести у нас его новую книгу «Алая капля». Причины отсутствия автора пока не разглашаются».

Что самое интересное, заметил Семён, никто не спускался со второго этажа. Он ожидал увидеть толпу разочарованных поклонников, горячо обсуждающих отсутствие любимого автора. Но никого не было.

«Может, все ушли?» – подумал Семён и поднялся наверх. Несколько людей с интересом листали книги у полок. Вдали была видна маленькая сценка, слева – литературное кафе. Семён подошёл к сценке. У подножия стояло несколько кресел и стульев. Пустых. Семён осмотрелся. За стойкой в кафе сидел молодой бариста. Он читал книгу Перфилова, его первый роман-хит «Безумция невиновности».

– Здрасьте, – сказал Семён.

Бариста даже не встал. Он неохотно прервал чтение и посмотрел на Семёна.

– Здесь сегодня должна была состояться...

– Да, именно так, – голос бариста был монотонным и вялым. Он говорил как уставший кассир под конец смены, – вы уже не первый, кто задаёт мне сегодня подобные вопросы. Об этом стало известно ещё днём. Никто ничего не знает.

– И даже никаких версий?

– Ни версий, ни Перфилова. Это грустно.

«Да уж, действительно грустно!» – и Семён не спеша пошёл к лестнице. В голове он ещё не осознал, что встречи с автором не будет. Всё было очень странно и необъяснимо. По старой привычке Семён остановился у книжной полки. Он подумал, а не купить ли ему какую-нибудь книгу. На новое творение Перфилова у него не хватало средств. До зарплаты пару дней, а денег почти ни гроша. Только 300 рублей. Книга стоила около 1000, но в день презентации полагается скидка в 10 %, что, в принципе, тоже не давало облегчения. Поэтому Семён решил не тратить своё время. Тем более в последние дни у него не пошло много книг. Они так и остались недочитанными и брошенными. И оттого как будто обиженными и удивлёнными. Но они лелеяли надежду, что в другое время когда-нибудь порадуят хозяина.

– А Сартр тебе как? – услышал Семён женский голос.

Две совсем юные девчонки стояли рядом с ним, рылись в книгах и громко разговаривали.

– Ну он такой, прикольный, занудный дядька, правда...

Семён горько вздохнул и побежал на первый этаж.

– Убедились? – спросил мужчина, вальяжно поправляя кашне. Он по-прежнему был с той девушкой в очках. Они стояли у входа в магазин и курили.

– Глухо, – подтвердил Семён и встал рядом с ними.

Только сейчас он мог оценить внешний вид этих людей. Мужчина был прилично одет: чёрное пальто, вельветовые джинсы с закатанными брючинами, на ногах – лоферы. Лицо побритое, а короткие волосы аккуратно зачёсаны назад. Нельзя было сказать, кого он напоминал: мажора или хипстера? Но Семён с такими людьми бы никогда не стал знакомиться в другой ситуации. Глядя на него сейчас, молодой человек испытал неловкость от своего неряшливого вида.

– Вот нежданчик, – продолжил он, пытаясь прервать неловкое молчание.

– Предлагаю пойти куда-нибудь, – сказала девушка, кусая нижнюю губу, под которой красовалось кольцо-пирсинг. Она была красивой блондинкой с причёской каре. Одета во всё чёрное, она была всё равно притягательна. Если её одеть в более светлые тона, несомненно, это будет та девушка, на которую оборачиваешься вслед, с которой Семён бы побоялся познакомиться. Чёрный цвет символизировал похороны шаблона сексапильной блондинки.

– Да, пойдёмте, – ответил Семён, – а то осень, холодно.

Незнакомые друг другу, молодые люди пошагали к перекрёстку прочь от магазина. Мужчина представился Ринатом, а девушка – Ярославой. Ринат предложил пойти в одно кафе, что на Столовой улице через дорогу. Туда и направились. Молча.

Лишь шум машин да песни уличных музыкантов сопровождали их в пути. Кафе и бары так и зазывали молодых людей танцевальной музыкой, светящимися вывесками и приглушёнными тонами освещения в помещении. Располагались они в подвальных этажах высоких каркасных зданий, вылепленных из белого камня и построенных давным-давно в стиле модерн.

Молодые люди зашли в кафе. Уютное помещение освещалось зелёным светом. В динамике играла «Тобассо Road». Трое молодых людей присели у окна. За стеклом были видны лишь ноги прохожих.

– Я голоден, так, – начал Ринат, – так, гамбургер, коктейль...

Он водил пальцем по меню как по справочнику. Семён только сейчас вспомнил, что у него даже нет денег, чтобы расплатиться. 300 рублей. Кофе стоит наверняка половину от этой суммы, если не больше. Может, тут есть скидка? Хотя бы 10 процентов...

– А я... – он открыл меню и ужаснулся. Закрыв его и отложил. Скидок не было.

– Что такое, Семён? – спросил Ринат.

– Да не хочу я ничего. Недавно поел...

– Хм, о'кей... – по взгляду Рината было понятно, что он догадался об отсутствии финансов у Семёна. Может, Семёну казалось, что в этом взгляде было даже не презрение, а скорее равнодушное «Ну и ладно». Ринат снова посмотрел в меню, словно читал любимую книгу. Даже не книгу, а любимый момент, потому что он каждый раз переворачивал страницу, а потом снова пересматривал предыдущую. Семёна это раздражало. Ярослава по-прежнему хранила молчание, уставившись пустым взглядом в стол. Около часа назад она успела изучить Рината и теперь, оторвав взгляд от стола, изучала Семёна. Ей он казался странным, взъерошенным и неряшливым. Особенно раздражала его куртка с накинутым на голову капюшоном, отчего он был похож на бородатого геолога.

– А я вот желаю гамбургер и апельсиновый сок, – громко продекламировал Ринат, – могу себе позволить.

«Ты без нас пропадёшь!» – Семен тоже хотел иметь много денег, но голос отца, вырванный из памяти, подействовал как ток.

Пришла официантка, и они сделали заказ. Ярослава в свою очередь заказала молочный коктейль Орео. Пока ждали, разговорились.

– Мы здесь собрались из-за нашего любимого писателя, отчего не повод обсудить его творчество? – деловито начал Ринат.

– Да что тут говорить... – сказал Семён. Как же ему ужасно хотелось есть и пить. – С каждой книгой, а у него их около десятка, Перфилов менее интересен. Если «Безумция невиновности» ещё динамичная и при этом умная, как и вторая книга «Гвоздь», которая считается апогеем творчества Перфилова. Это такая же динамичная книга, но она более глубокая и, как мне кажется, очень личная не только для автора, но и как будто для нас. Мы узнаём в персонажах себя.

– Вот именно, мы за это и любим литературу. Обидно, что Перфилов – писатель для всех. Иные люди (и совершенно безграмотные) принимают его труды за развлекаловку.

– А что в этом такого? – изумился Семён. – Я могу назвать кучу писателей с развлекательным жанром, и при этом они очень интеллектуальные. Не всё же время умную нудятину читать, верно?

Нужно уметь развлекать жанры. Зачем писать однотипные произведения? Поначалу у Перфилова это получалось. Мешать детектив с фантастикой.

– Подожди, подожди, Семён, – остановил Ринат.

В это время официантка принесла заказ, и диалог приостановился. Семён не мог смотреть на Рината, как тот аппетитно поедал свой гамбургер, запивал соком, а затем возводил глаза кверху, будто в благодарность Всевышнему за вкусную еду. Ещё чуть-чуть, и, казалось, Ринат будет стонать от удовольствия. Он явно не торопился, хотел растянуть трапезу, ведь нет ничего прекраснее беседы за едой. Но голод требовал немедленной добавки, и Ринат ускорился, не успевая прожевать прежний кусок. Семёну стало плохо. Голод топил слюнями его рот, и Семён не успевал их проглатывать. Желудок заурчал. Заурчала и Ярослава своей трубочкой, попивая молочный коктейль.

– Ой, простите, – засмушалась она. Но никто не обратил на неё внимания.

– Так на чём мы остановились? – отвлёкся Ринат, вытирая салфеткой рот.

– Кхм, на литературе. Творчество Перфилова...

– Ах да, смешение жанров, – и он снова откусил от гамбургера и одновременно зажевал картошкой фри, предварительно окунув её в кетчуп, – у Перфилова есть смешение жанров. Но у кого так классно ещё получается? Я очень не котирую современную российскую литературу. Очень я не люблю вот эти «Россия наша, Россиюшка», пиво, водка, селёdochка. Не котирую постсоветскую серость. И интерес к советской эпохе «оттепели», ну прям готовые сюжетцы для

федеральных телеканалов. Не люблю я всё то говно (пардоньте за мой французский), которое меня окружает КАЖДЫЙ день. Сколько трагизма, немощи, ублюдства, и всё на фоне политических дискуссий о загадочной стране Россия. Прямо-таки гой ты Русь моя. Скука!

– Этими словами ты хоронишь всех классиков...

– Я не трепещу перед ними. Это всё в прошлом. Современные российские писатели делают всё под копирку. Спроси любого, почитай рецензии на «Лайвлибе», например. Да почти каждый скажет тебе о том, что с большой неохотой берётся за российские новинки. Пожалуй, что Пелевина можно выделить. Есть и другие исключения. Но мне смешны эти размышления о России. Нужно мыслить абстрактно. Нужно описывать человеческие чувства: любовь, страх, горечь. Это главное! Всё остальное повторяется из года в год! Все проблемы человечества. Особенно политические режимы. И поэтому я люблю Перфилова за оригинальность мышления.

Ни в коем случае я не умаляю заслуг Достоевского, Толстого, Гоголя и других писателей 19 века. Я сам их люблю и читаю. Но они всё уже сказали про нашу страну, зачем это сейчас повторять??? Всё циклично, всё повторяется. Читаешь про то время, и до сих пор это актуально в наши дни. Ничего не изменилось. Кровью обливается сердце, когда читаешь поэму «Хорошо!» Маяковского. Оттого, что ничего этого нет в нашем российском обществе, того, что описано в эпилоге поэмы. И оттого, что начало поэмы полностью в наше время повторяет ситуацию, проигранную 100 лет назад.

– Ты слишком загнался, Ринат, но частично я соглашусь с тобой. Хотя фон нашей действительности (хотя бы фон!) должен присутствовать, поскольку писатель – творец своего времени. Современного ему. Однако я считаю, что можно любить всех. Из современных – ты забыл Толстую с «Кысью», Иванова с его «Географом», а также Лукьяненко со всеми его фантастическими романами. А как же Гришковец? Или Водолазкин? Примеров-то уйма. Остальное – шелуха, я согласен. И она временно популярна в нашей стране. Но как ты объяснишь то, что может стать популярным на века? Где гарантии?

– Главное – это глубина. Вот, что самое главное в любом произведении. Как далеко пошел писатель, как копнул далеко. А копание – дело рискованное. Достоевский, Андреев, Кафка... Уйма, как ты говоришь, примеров. Глубина – это вечность. Эти работы будут точно помнить. Ещё недавно ты говорил, что Перфилов тебе надоел. Мне – нет!

– Ну слушай, это странно. Я могу любить Беккета, но не чураюсь своей любви к Гашеку. А потом и за Кинга можно сесть.

– Глубина, Семён, глубина.

В этой беседе Семён чувствовал себя пациентом в психиатрической больнице, а Ринат казался врачом. В какой-то момент ему хотелось встать и уйти. Не уйти, а выбежать из кафе. Домой.

«Кстати, там меня ждёт докторская колбаса», – подумал он и сплотнул в очередной раз слюну.

Семён посмотрел на Ярославу. Её роль была непонятна. За весь вечер она ни слова не сказала. Только пила свой коктейль и внимательно наблюдала за их разговором.

– Всё равно, – вставил Семён, – Перфилов в десяти романах разжёвывает одни и те же проблемы, просто несколько в иных интерпретациях. Он раб одной роли. И да, он исписался. Я по старой привычке покупаю его книги, если не идея, то хотя бы красота слога радует глаз. Но ничто не сравнится с «Безумцией невиновности» и «Гвоздём».

– А как же «Комната» или «Процедура»? – словно обидевшись, спросил Ринат. – Не понимаю. Ты ещё скажи, что вся литература – это просто развлечение.

– Литература – это спасение.

– Спасение?

– Не понимаю людей, которые говорят о художественной литературе как о чём-то бесполезном. Любой человек назовёт тебе 10 полезных книг – Лабковский, Карнеги, Экер, ещё кто-нибудь. Но и он же назовёт тебе сотню известных книг. То, что духовно развивает и делает тебя свободным. Сотня книг художественной литературы. Почему они так желанны до сих пор и читаемы?

– В них выдуманная история, но не просто история, а попытка какого-либо писателя рассказать о себе и своём окружении. Тот, кто узнает себя в нём, становится его поклонником и читает постоянно. Ищет в нём родственную душу, близость. И, возможно, спасение, как ты говоришь.

– И глубина, – вставил Семён, – она есть даже в юмористических романах и в книгах развлекательного жанра. И в развлечении есть шлак и есть качество. Я же подразумеваю качество!

Они замолчали. Семён больше не мог говорить, в то время как Ринат находился в задумчивости. По его бледному лицу было видно, что он не хотел соглашаться с собеседником. Он давно доел гамбургер и допил сок, и весь его вид напоминал тарелку со скомканной салфеткой, кусочками салата и пустым стаканом. Сейчас он всё больше смотрел на Ярославу. Эта девушка ему казалась загадочной и необычной. С такой он ещё ни разу не встречался.

«Любовь любовью, а деньги деньгами», – как всегда любил говорить отец Рината. Но Ярослава не казалась такой. Это тот человек, которого могли ещё в школе считать странным и необычным, этакой белой вороной на задних партах.

– Простите...

Троица молодых людей оглянулась. Перед ними с пустым подносом стояла официантка.

– Простите, я слышала, что вы говорили про Перфилова. Писателя.

– Частично, – сказала Ярослава, аккуратно и без шума допивая последние капли коктейля из трубочки.

– Я слышала, что он сейчас в Магическом театре.

– То есть как? Вы знаете, где он? – встрепнулся Ринат. – Вы серьёзно?

– Серьёзно, как все книги Перфилова, – будто обидевшись, ответила официантка.

– Простите... – подошёл Семен и посмотрел её имя на бейджике. – Лена, мы пришли на его встречу, он представлял свою новую книгу. На месте в «Обчистыхах» его не оказалось. Человек пропал. И вдруг, оказывается, что он скрывается в театре.

– Я бы не сказала, что скрывается. Просто безумствует. Моя подруга там работает. Для меня все эти ваши писатели пустой звук. Все они невротики. А мне это неинтересно.

– Хорошо, тогда рассчитайте нас, – поспешил Ринат.

Троица вышла на улицу. Рядом с кафе стояли две машины такси. Ринат хотел было подойти к ним, но Семён остановил его.

– Да тут недалеко, ты чего? Дойдём за пару минут.

Долго уговаривать не пришлось, и они пошли за угол, в гущу тёмных узких переулков. Ринат шёл впереди Семёна и Ярославы, словно пытался их поторопить. Вокруг никого не было. Попалось несколько людей, и то это были не прохожие, а работники магазинов или церквей, вышедшие покурить. Троица свернула в сторону Спасской улицы, которая вела до Усачёвского вала. Дома вокруг уже спали. Усадьбы, двухэтажные офисные здания, церкви и их высокие ограждения тенью ложились на дорогу, словно мечи, преграждающие путь.

Среди этих камней, в этой вечерней тиши располагалось здание Магического театра. Оно напоминало маленький храм, окружённый высоким бетонным забором, чью надпись над деревянной дверью скрывали кроны деревьев. Рядом висел стенд с афишами спектаклей от «Преображения» до «Чапаева и Пустота» с известными столичными актёрами.

– Афиша старая, – присмотрелся Ринат, – Михаил Ефремов тут, Евгений Миронов...

– Театр давно вообще работает? – спросила Ярослава.

Её слова совпали со звоном набата, прозвучавшим за спинами ребят со стороны Елизаветинской церкви. Звон был мощным, словно он пытался разбудить безлюдные улицы. Казалось, что фонарный столб будет трястись от ударов звуковых волн, а лампа упадёт троице на голову.

– Давайте зайдём уже, – Семён почувствовал холод. Вся ситуация напомнила ему старые мистические сказки о заблудших странниках, которые, спасаясь от непогоды, должны были спрятаться в укромном месте.

Сначала они постучали. Никто не ответил. Затем Ринат плечом надавил на дверь, и та, как будто всплакнув, отворилась. Трое молодых людей не сразу решились шагнуть на территорию. Там не горело ни одного фонаря. Одна темень. Только грунтовая дорожка, а по краям – сады из полуголых кустарников. Ринат испугался. Его воображение тоже рисовало мрачную картину.

«А что, если по дороге на нас нападут бешеные собаки?».

Однако он решил показать себя храбрецом и шагнул первым. За ним пошли. Семён даже решил закрыть за собой дверь. Троица быстрыми шагами направилась к крыльцу театра. Это было обычное серое здание с витражными окнами, похожее на купол. Без всяких ухищрений и излишеств.

Ребята постучали в двойные двери. Внутри замка что-то щёлкнуло, и одна из дверей приоткрылась. Ринат оглянулся на своих спутников. Те выразили недоумение, но при этом желание войти. И они вошли.

В вестибюле находилось несколько молодых людей, похожих на клерков. Мужчины и женщины, одетые по деловому стилю, стояли по всем углам помещения, держали в руках планшеты и записывали что-то спешно ручкой на листочках.

– Проходите, раздевайтесь, – к ним подошёл один из этих людей. Это была приятная и симпатичная девушка, которая всё время улыбалась.

– Простите... – начал Семён.

– Не беспокойтесь, сам маэстро не против гостей. Он пока репетирует. Но всегда не прочь провести время со своими поклонниками.

Трое ребят знали, что по произведениям Перфилова снято несколько фильмов и сериалов, а также поставлено бесчисленное количество спектаклей по всей стране и за рубежом. Везде были задействованы профессионалы своего дела – известные продюсеры, режиссёры, актёры. Сам Перфилов в своих интервью говорил, что не любит экранизации и инсценировки, что на это он шёл ради дополнительного заработка. А ещё Перфилов любил своих поклонников. Он не терпел разных банкетов и мероприятий со звёздами шоу-бизнеса, деятелями кино, литературы и театра. Он предпочитал всё больше сидеть со своими поклонниками и вести с ними диалог.

– Проходите за мной, – и девушка повела их через несколько коридоров. Они были украшены фотографиями великих артистов Советской эпохи, когда-то гастролировавших здесь, в Ретрограде. Девушка, тем временем, привела троицу к двойным дверям.

Так трое ребят оказались в зале театра. Постояв среди пустых кресел, они нерешительно двинулись к сцене. Она была ярко освещена. И пуста.

Семён вспомнил, как когда-то в детстве он с отцом зашёл в заброшенный кинотеатр. Кресла такие же были пустыми, но некоторые – с порванной обивкой, другие – разрушены в щепки или повалены на бок. Любой шаг, любое прикосновение и кашель от попавшей в горло пыли грозили ответом. Это махали крыльями обеспокоенные голуби. В этом мраке еле виднелось серое полотно экрана. Здесь Семёна обуяло такое же чувство заброшенности. Словно этот зал с пустующими местами и сценой таил в себе какую-то болезнь, которую тщательно скрывают, но которая видна невооружённым глазом.

Ребята не знали, что делать дальше, и стояли у самой сцены, продолжая озираться по сторонам. Внезапно они услышали шаги, сопровождаемые громким звоном. Перед ними на сцене

появился взрослый человек в джинсах и рваных кроссовках. На нём была чёрная майка с фотографией молодого Сталина. На изображении он был в пиджаке, с платком вокруг шеи и с причёсанной назад шевелюрой. Ниже фотографии была надпись: «Did you know that Dzhughashvili was a hipster?».

– Ждёте меня? – спросил он. У этого человека были прикованы цепи на ногах. Но ребята даже не заметили этого. Их привлёк его голос. Голос был как звон набата, который троица услышала ещё на улице. Они почувствовали возбуждение, словно пришли на концерт любимого исполнителя и воочию увидели своего кумира. Ощутили и вдохнули в себя его неуёмную энергию и силу. Вот он! Перед ними! Сколько раз они видели его вживую на презентациях новых книг и уже привыкли к его появлениям. Но сейчас он с ними лично заговорил! И это было впервые.

– Поднимайтесь сюда, – позвал он таким голосом, каким обычно детвора зовёт друг друга поиграть на улице.

Семён решил подняться первым и вплотную приблизился к Перфилову. Вид его был уставшим и измученным. Пахло от него водкой и хлебом. Но он не был пьян. Из-за яркого света Семён не видел оставшихся внизу Рината и Ярославу. Они так и не решились подняться.

– Вам отдельное приглашение, друзья? – спросил Перфилов.

Ринат и Ярослава ещё недолго стояли в молчании и нерешительности. Понадобилось несколько секунд, чтобы они поднялись на сцену. Они всё ещё пожирали писателя обалдевшим взглядом.

А Семён стал уже меньше тушеваться, и дрожь в коленях постепенно утихала.

– И почему вы не были на презентации своей книги? – спросил он. – И к чему эти цепи на ваших ногах? Кто вас заковал?

Перфилов не сразу ответил. Он стоял в задумчивости, понурился, как ребёнок, уличённый в проказе. На несколько секунд у всех четверых создалось ощущение, что они находятся нигде. В этой пустоте, под ярким светом на сцене.

– Понимаете, – голос писателя показался тревожным. Семёну он напомнил как раз взмах голубиных крыльев, – понимаете, я устал от писательства.

– Как так??? – подала голос Ярослава. Семён и Ринат оглянулись. Встревоженно посмотрел на неё и Перфилов.

– А вот так. Я чувствую себя рабом одной роли. Я написал 10 книг. Все они в основном интеллектуальные триллеры с элементами фантастики. Авантюры, погони. Живые персонажи (зачастую духовно покалеченные своим окружением в детстве), психология отношений между героями и их тонкости. Меня любят за живые сюжеты и за живых персонажей, в которых мы почти всегда видим себя. Многие критики и читатели говорят о том, что я умею смешивать жанры. Но в основе своей одна и та же проблематика в моём творчестве. Как будто я не живу, а давно перерыл все свои воспоминания и раздарил своим персонажам. Больше мне дарить нечего. Я пуст.

Я чувствую, что мне тошно. И понял, что пишу об одном и том же, просто немного в разных стилях. Убийства, депрессии, детективные интриги. Всё по программе. Я словно пошёл на поводу у читателей. У массмедиа. Слово я пишу не от сердца, а на заказ.

– Ваши книги интересные! – прервал Ринат.

– Спасибо, но... Я могу назвать только «Безумция невиновности» и «Гвоздь» своими лучшими работами. Всё остальное – повторы.

– Умело переделанные, – вставил Семён. Он вспомнил свой разговор с Ринатом в кафе и посмотрел на него. Тот всё понял. Первые два романа были шедеврами не только со слов Семёна, но и автора.

– Именно, – воодушевился Перфилов, – многие, особенно мои поклонники, всё ещё считают их великолепными произведениями. Мне приятно. Но есть одно «но». Порой мне

кажется, что это из вежливости. В их отзывах сквозит единое мнение: «Перфилов ИСПИ-САЛСЯ». Уверен, ещё парочка книг, и пузырь лопнет. Книги автора должны быть максимально разными, чтобы каждая читалась с интересом, а не выборочно прочесть и забыть. Какой же смысл читать каждую, когда достаточно любой одной, а остальные можно не брать, мол, и так всё однообразно и понятно. Эти книги не войдут в историю. Вот «Безумция...» и «Гвоздь», может, войдут, и то я не ходячая гарантия, которая отвечает за испытание временем. Скажу честно, в последние годы я сильно увлёкся вниманием публики, что стал писать вторичный материал. Я стал исписавшимся беллетристом. Герои и сюжеты почти те же, только разные имена у них. Ну и, конечно, деньги. Они тоже важный фактор гарантированной сытости. Куда без них!

– Вы достаточно заработали? – спросил Семён. – Для своей... Простите, но о вашей семье ничего не известно.

– Моя жена и мои дети живы-здоровы. И это их выбор оставаться в тени. У них свои заботы, своя деятельность, я их люблю и до сих пор с ними счастливо живу. А деньги... Что ж, их всегда бывает мало. Но я не жалуясь. Деньги всегда надо зарабатывать. Для них нет слова «Стоп!». Они же инструмент в твоих руках для личных целей. И главное, чтобы не было наоборот. Чтобы ты не стал для них инструментом. В моём случае, сами понимаете, что литература не самое прибыльное дело, хоть и считается престижным ремеслом. Есть множество других заработков – кино, бизнес, вложения и т. д. Нужно постоянно крутиться. Это труд.

– Согласен, – сказал Ринат.

– Но где вы черпаете энергию? И желание работать? – спросила Ярослава писателя.

– К чему-то привыкаешь, а что-то желаешь от роду. Всё по-разному. Адаптация. Я один из тех, кто верит, что ничего просто так не бывает. Жизнь – увлекательная штука.

– И что на этот раз? – спросил Ринат. – Что вы будете теперь писать?

– Хм, вот как раз для таких, как вы, мой дорогой поклонник, я и боюсь меняться. Боюсь, что вы не примете меня. Хотя я художник и должен делать то, чего не требует массмедиа. Я должен импровизировать, а в итоге, – и Перфилов зазвенел цепями на ногах.

– Но быть популярным, быть великим – это пища для искусства, – парировал Семён, – или вы хотите кончить, как Голодарь Кафки?

– Одни художники справились, а другие стали тенью самих себя. И, кстати, вы путаете популярность и величие. Между ними я бы добавил ещё известность. Популярность бывает разной. Например, Маяковский и Есенин были популярны, и даже после смерти они стали уже великими. Таковыми были и «The Beatles». Эти вообще были популярными в 60-х, а потом известными, потому что время их прошло, но звёздный статус не уменьшился. В наше же время популярность – это то, что обсуждают каждодневно. Зачастую это дешёвизна артистов, не блестящих интеллектом. Это что-нибудь понятное и простенькое. Даже пошлое и мерзкое. Не требующее особой пищи для размышлений. Или, например, личная жизнь этих субъектов напоказ в социальных сетях. Они не войдут в историю, но они зарабатывают бешеные деньги за счёт рекламы и корпоративов. Это плохо?

– Деньги – это прекрасно! – ответил Семён. Судя по взгляду Рината и Ярославы, они не совсем были согласны с таким утверждением.

– Есть исключения среди популярных. Давайте ещё вспомним Фицджеральда, который тоже был популярным, а потом интерес к его творчеству угас. Но судьба та ещё шутница, потому что после смерти его труды стали великими. А упомянутый вами Голодарь стал потом ненужным со своим необычным видом искусства голодания. Это очередная трактовка о «голодном художнике». И ненужном в то время, в котором жил Кафка. Он писал о себе. Такие люди всё-таки отдают отчёт о своей индивидуальности и необычности, несмотря на разные фобии и самобичевания. Мы же прекрасно видим, что последние дни Голодаря пройдут в зверинце, среди зверей, которых корми мясом, и они будут развлекать людей. И становиться

популярными. И всё-таки необычное искусство Голодаря станет притчей во языцех. Станет великим. Теперь вы чувствуете разницу между популярностью, известностью и величием? Популярность – это «было и прошло», известность – это «успешная стабильность», а величие – «останется после смерти». Это как с Чеховым. Вы, кстати, знаете, кто такой Потапенко?

– Ммм, нет, – ответили трое.

– Как так? Современник Чехова, был даже популярнее своего коллеги. По сравнению с ним Антон Павлович был известным писателем в кругу литераторов и определённых масс. А Потапенко был всегда нарасхват. Говорят, он был популярнее самого Толстого. И кто его помнит? Никто. Может, и сейчас кто-то более талантливый, чем я, но менее известный когда-нибудь будет почитаться публикой, а меня забудут.

– Сомневаюсь. У вас всё-таки есть глубина. Может, секрет в ней? – спросил Семён.

– А чёрт их разберёт! Я знаю одно – делай то, что нравится, и не задумывайся! Я с детства желал быть писателем. Великим. Но я живу не для того, чтобы отягощать мозги этими думами. Я думаю больше о смене направления. Может, я хочу комедию написать или пьесу? Без перестрелок, погонь и выяснений отношений между героями. А что-то камерное? Элитарное даже.

– Воля ваша, – сказал Ринат, – в любом случае вы талант, но только не все согласятся читать это.

– Хм, но тогда вы будете первыми. Секунду.

И Перфилов вышел за кулисы. Ребята стояли в нетерпении и как будто в смущении. Словно пациенты, которых терапевт бросил во время сеанса. Перфилов однако не заставил себя долго ждать. Он вернулся с кипой напечатанных листов. Шёл он уверенной походкой, точно давно привык к цепям.

– Это наброски, – сказал он и раздал всем скреплённые листы. Ребята стали читать содержимое.

– Коли мы говорим об искусстве, а точнее о литературе, вы не замечали, что у некоторых писателей меняется форма письма? С течением всей жизни. Многие пишут сначала напыщенно, будто выпендриваются своей юностью и всезнанием. А другие пишут сухо, а потом расцветают. Бывает и наоборот. В моём случае важна идея, а не форма.

– Это ваша пьеса? – спросил Ринат.

– Это наша пьеса.

– То есть...

– То есть это не готовый вариант. Персонажи потом будут другие, и сюжет тоже. Я просто тренируюсь. Тематика проста – поиск самого себя и то, как выйти из застоя. Вы, кстати, тоже постарайтесь помочь мне в доработке. Потому что только от нас зависит – каким будет финал. нас четверо – четыре финала. Я не творец, творцы мы сами. Мы собрались здесь не случайно. Групповая терапия – это верный путь к Помощи.

– Помощь? – спросил Ринат.

– Мы здесь не просто так собрались, – ответил писатель.

В один миг сцена преобразилась. По полу уже стелился густой туман. Он был мягким и приятным, таким, что его хотелось проглотить. А потом туман расступился, и на сцене уже показались декорации.

Пьеса «Медицинская экСтриптиза»

Действующие лица

Владислав Перфилов
Семён Ефимов
Ринат Ариффуллин
Ярослава Гаршина
Голоса прошлых лет
Популярность, известность
Величие, забвение (по желанию)
Действие происходит в детской комнате.

Действие 1

Ночь. В центре комнаты на полу горит электрическая лампа. Перфилов, Семён, Ринат и Ярослава сидят вокруг источника света на мягких пуфиках. Они держат в руках свои листы.

Перфилов: Прямо как в детстве. Сидим летом вокруг костра, в лесу. Пахнет шишками, мхом и углями. Поленья трещат в объятиях пламени. У вас такое было?

Ринат молчит. Ярослава и Семён поддакивают.

Перфилов: Всё кажется прекрасным, интересным и первородным. Словно чудо. И первое разочарование – это когда нам, детям, начинают объяснять и конкретизировать природные явления. Они теряют свою мистику. Этот красивый плащ снимают, мы видим тело, сдирают кожу, и мы видим кости. Всё с математической точностью. За исключением изъянов. Как у людей, у каждого он свой.

Ринат (волнуется): И почему мы здесь?

Перфилов: Мы здесь, чтобы помочь друг другу. Разве не так? Иначе быть не могло. Иначе вы бы сюда не пришли. Не просто так вы забрели ко мне лясы точить. Верно?

Семён: Да, не просто так. Видимо. Но мы пришли и вам помочь, найти вас, в конце концов. И вы рассказали о своей проблеме.

Перфилов: Проблемы есть ещё у вас. Повторяю, не всё происходит просто так. Что ж, так давайте скажем немного о себе. (*Делает паузу, а потом вытягивает руку*). Прошу!

Все молчат. Никто не решается. Перфилов звенит цепями, осматривает ноги и находит старый радиоприёмник. Удивлённо хмыкает, держит его в руках и долго изучает. Затем включает и настраивает волну сквозь помехи. Слышны звуки моря и природы. Затем они немного стихают.

Голоса прошлых лет (шипят из динамика):

– Ринат, пойми. Я как твой отец говорю тебе, что деньги – они как шлюхи, а ты их сутенёр и должен научиться контролировать и управлять ими.

– Семён! Мы ради тебя (!) тут пашем, а ты жопу отсиживаешь! Что ты сказал? Мы живём как нищие? Ну да, куда уж нам до свиней-олигархов, которые и думают только о себе!!!

– Владька! Да ты ни на что не годен! Стабильность – это главное! Не рыпайся никуда и сиди на попе ровно. Залог успеха.

– Мы всё для тебя делаем, Ясик. Можешь не переживать и не суетиться. Мы с папой посоветовались и решили (решили!), что рисование – это не твоё. Может, ты попробуешь на врача пойти? Или на юриста.

– Мы с мамой давно не общаемся, Ринат. Она только и жаждала всегда моих денег. Все женщины такие. И не расстраивайся, ты найдёшь себе новую девчонку, которая не будет лезть в твой кошелек. Хотя сомневаюсь.

– Слышь, Одиссей хуев! Задолбал свои книжки читать! Умный, што ли? Писателишкой он хочет стать, ха-ха!!!!

– Девочка моя, ну кем же ты хочешь стать? Тебе 25, вон посмотри на своих подруг. И замуж удачно вышли, и работу достойную нашли. Эх ты, лентяйка.

– Семён, где ты был? А с кем? А куда, а почему? Ты же без нас пропадёшь!!!

Звуки заедает. Затем они резко прерываются, и радиоприёмник молчит. Перфилов всё ещё держит его в руках. Долгое молчание между четырьмя героями.

Перфилов: Мы воспитываемся в семьях, а затем, почерпнув определённую модель поведения, играем данную нам от рождения роль. Данную нам от наших предков. В большинстве случаев это травмирует нас, потом мы травмируемся от нашего окружения – друзей и врагов. Вся эта совокупность пережитого накладывает шрамы, что не даёт нам двигаться дальше. Ведь так? Так вот, достигнув своего дна, чем же отличается беспомощность от бессилия? И что мы можем сказать сначала о себе?

Ринат: Я молодой предприниматель. Сейчас у меня в планах создать свой канал на YouTube и стать видеоблогером. Хочу давать советы начинающим бизнесменам. Планы идут дальше меня. Я их сдерживаю, а потом, всё взвесив, выполняю. Деньги для меня как средства. Я могу вкладывать, могу уехать куда захочу. Я считаю деньги. Тот, кто не считает их, может забыть о богатстве. Но для чего я всё это делаю? Почему всё время умножаю своё состояние? И кому оно достанется, когда я могу остаться один до конца своих дней?

Семён (завистливо): И такая роль скупого рыцаря тебя не устраивает? Уверен, ты не из бедной семьи. Не знаю, но ты похож на ребёнка богатых родителей.

Ринат: О нет, я не из бедной семьи. То, что делал мой отец, не поддаётся объяснениям. Он не дал мне своих денег, но подарил наследие коммерческой жилки. Я видел его всегда холодным, но при этом я чувствовал, что он старался любить меня как мог и поощрял в любых начинаниях. Я вырос без матери. Развод родителей был процессом долгим и мучительным. Особенно для отца. С матерью я почти не вижу. Для неё всегда светские тусовки были важнее! И ребёнком мне было это видно, как оказалось, потом. Я признаю, что всю жизнь подсознательно искал тех женщин, которым заведомо интересно только моё финансовое состояние. Всю жизнь я ищу пока тех женщин, похожих на мою мать, и сохраняю скверное мнение отца о женском поле. Вместо того чтобы искать любимого человека, мой отец любил строить из себя жертву на любовном фронте, и ему нравилось выставлять себя правым, а всех женщин – тщеславными и алчными. Я признаю своё бессилие перед родителями. Их не исправить. И я признаю беспомощность в том, что мне надо перешагнуть эту грань страха в создании семьи, и в том, что я никогда не найду именно любовь своей жизни, а не мотовку своего состояния. Мне нужна помощь. Спасибо!

Все аплодируют. Теперь Семён поднимает руку. Он заметно нервничает, потирая руки.

Семён (смотрит на Рината): Даже не знаю, как начать. Я давно живу отдельно от родителей с любимым человеком. Мы вместе, любим друг друга и давно строим отношения. Вопрос только в том – как я смогу в дальнейшем прокормить свою семью? Ведь я же кормилец! На нынешней своей работе я получаю мизерную зарплату. Просто унижительную! И, казалось, вот, ищи новую работу. Тот же вопрос, а какую, когда меня ничего особо не интересует, лишь бы заработать. Любой труд мне кажется тягостным. Я начинаю завидовать (ой, как страшно завидовать!) своим ровесникам. Не только бывшим одноклассникам и сокурсникам. Но и всем успешным людям в мире. Они уже богатые!!! Они могут тратить бешеные деньжища, обеспечивать свои семьи и вообще путешествовать. Я тоже так хочу! Я тоже хочу быть богатым! Но знаете, что самое ужасное? Я боюсь перемен. Особенно поиска новой работы – эти дол-

гие странствия по собеседованиям, где может попасться приличный человек или откровенный хам. Ты не знаешь, унижат тебя или нет. Ведь все компании в Интернете о себе только и пишут: «Наша компания занимается инновационными технологиями...», и целые редуты иноязычных терминов. Скука! Отбивают желание туда вступить, когда нет конкретики, чем же занимается компания. Меня гложет страх.

Перфилов: Понимаю тебя, в моё время было немного по-другому. Но в целом мрачная картина со временем не обрела светлые тона. В чём причина твоей боязни, как ты думаешь?

Семён: Возможно, что причина этих страхов – моё окружение. Мама с папой всегда твердили: «Мы тут присматриваем за тобой!» А остальное окружение не принимало всерьёз и всегда считало меня чудаковатым. И даже казалось, что и они (мои-то сверстники!) контролируют меня, и я будто всегда пытался им угождать, потому что мне они казались сильными. В результате я бессилён перед наставлениями родителей и перед сильными людьми. И постепенно моя беспомощность в поисках денег перерастает тоже в бессилие. Я ненавижу (!!!) своё предназначение на нынешней работе. Я начинаю листать биографии великих людей и видеть, что у них тоже были неурядицы. Значит, и у меня есть время! Так что же я делаю, когда попутно ищу новую работу? Своё новое ремесло? Когда на сайте я вижу отклик – то подсознательно хочу, чтобы это было не приглашение на собеседование, а отказ! В противном случае это могут быть и лохотронщики, которые торгуют дешёвой косметикой со своим сетевым маркетингом. Да, я хочу пересилить себя и найти достойную работу с достойной зарплатой! Я хочу жениться, хочу детей и семью. И кормить их!

Аплодисменты. Затем все снова молчат. Ярослава хочет, чтобы Перфилов продолжил, но он несколько раз качает головой.

Ярослава: Это нечестно. Я боюсь.

Ринат: Мы все тут боимся. Главное – начать.

Ярослава сжимается. Смотрит на Рината, и тот улыбается ей. Она немного раскрепощается.

Ярослава: А что мне сказать о себе? Я просто хочу жить и чем-либо интересным заниматься. Чувствую себя полностью потухшей и ненужной. Все планы только в моей голове, и дальше им нет хода.

Ринат: Ты не знаешь, чем хочешь заниматься, или у тебя есть идеи?

Ярослава (более уверенно): Сама не знаю. Вроде что-то вертится, а сама не знаю, как всё это реализовать. И не знаю, какая даже деятельность меня привлекает. Я перепробовала множество вариантов – живопись, актёрское мастерство, даже компьютерный дизайн. Наверно, я люблю творческие профессии. Но и там требуется какая-то конкретика. Математическая точность, как сказали вы, Владислав. Но моя большая проблема в другом – я не считаю себя сильной. Чему бы я не училась, всегда не заканчивала обучение. Я боялась и боюсь до сих пор! Чувствую что-то среднее между бессилием и беспомощностью. Вроде я не могу преодолеть свои комплексы (жуткое стеснение, низкая самооценка и полная несамостоятельность). А с другой стороны – должна работать и преодолевать свои блоки. Ведь я выросла в такой семье, где за меня всегда решали. Может, это странный способ любви, и, может, так научили любить их родители. Но мне-то каково? Мой критик говорит, что у других людей ещё хуже и не надо роптать на свою несчастную жизнь. Тем же детям из детдома ещё хуже, когда нет хоть какой-нибудь опоры.

Перфилов: Но практика показывает, что погрешности встречаются не только в отсутствии, но и при наличии опекунов.

Ярослава: Верно. В мои годы мои мозги засорены тем, что за что бы я не бралась, меня ждёт провал! ВСЕГДА! У меня ничего не получится, и лучше сидеть дома. Тем более я привыкла, что родители мне всегда помогут. В общении с людьми и вовсе нельзя высказывать свою точку зрения, потому что я рискую быть непонятой и осмеянной. И что самое страшное – люди

подумают, что я тупая. Признаю, что до сих пор завишу от мнения родителей, родственников, друзей, даже врагов. И даже тут, в моём отсутствии деятельности все умудряются меня ругать. Не угодишь! Я, конечно, благодарна своим маме и папе, что они научили меня не говорить о людях плохо. Именно поэтому я здесь с вами. Я всегда в поисках новых знакомств, в надежде на то, что начну общаться. Этот незнакомец ещё ничего обо мне не знает. А потом всё равно ступор. Я боюсь раскрыть свой ум (и умна ли я?) и быть настоящей. Мне не нравится, что я поселилась в этот душный саркофаг комплексов. Нет! Не хочу! (*Хлопает себя по коленке*). Я закончила.

Ярослава стесняется и отворачивает голову. Ринат берёт её за руку. Она принимает этот знак. Семён и Перфилов понимающе переглядываются.

Ринат: Теперь ваш черед, Владислав. Вы хорошо ведёте беседу, но мне кажется это не тот случай, где жизнь ведущего остаётся за кадром.

Перфилов: Вы совершенно правы. Несомненно, здесь собрались мы, герои разных пьес, вырванные кусочки мозаик. И, сказать честно, я должен вроде возмутиться тому, как вы полоскаете своих родителей, наверно, потому, что у меня их не было. Они погибли в автокатастрофе, когда мне было 7 лет. И всё дальнейшее детство я провёл в детдоме.

Ринат, Семён и Ярослава содрogaются.

Перфилов: Странное чувство. Вроде ты родился на свободе, живёшь в квартире, выходишь на улицу и играешь с ребятами. И отличие только в стенах. В детдоме они везде. И это ой как неприятно для пацана, который успел хоть немного вкусить свободы. Я предпочёл бы жить со своими родителями, чем быть там. Мои родители, кстати, были алкоголиками. Не самый лучший вариант, когда оба пьют. Сколько раз мне приходилось тушить за ними на полу окурки или выключать плиту. Сколько раз я забирался под кровать, когда они приходили домой пьяные. Они и поскандалить любили друг с другом, и я, бывало, попадал «под горячую руку». Но свою программу разрушения они успели мне подать. Страх и бдительность. Если трезвые – это совсем другие люди, то по пьяни они превращаются в зверей. Это страшно, когда не знаешь, как закончится твой день. Поглаживанием по голове или жестокой поркой.

Пауза. Все молчат.

Семён: Но как вы выжили дальше?

Перфилов: Моими «родителями» были воспитатели и сверстники. Со сверстниками получились чётко выстроенные касты агрессоров, середнячков и жертв. Я был во второй категории, так сказать, сам по себе. Были и враги, и друзья, были выяснения отношений через драки, но со многими у меня были и приятельские отношения. Сейчас я с ними почти не вижусь, потому что, глядя на них, я снова вспоминаю стены детдома, в котором я жил и испытывал постоянно страх «ненужности» и нарушения личных границ. Ведь порой мне просто хотелось комнатку, в которой я мог бы уединиться и предаться собственным мыслям. Я жил в движении и страхе в этом изменчивом мире. В детдоме мир изменчив, как страна в годы революции. Постоянно меняются воспитатели, няни, медсестры и даже друзья, которых в любой момент может забрать приёмная семья. И тебе надо снова искать новых друзей. И ещё неизвестно, сцепитесь ли вы в игре взаимной ненависти или сойдётесь характерами и будете вместе гулять, проказничать, ходить на кружки, обсуждать девчонок. Нет модели взрослого человека, как у родителя, в котором ты видишь хоть какой-то пример для подражания. Меняется персонал детдома, меняются и примеры. Могут попасться злые и агрессивные с садистскими наклонностями, и одного их взгляда достаточно, чтобы ребёнком испугаться. И воспротивиться: «Они мне никто!» И осознать, что и родных людей у тебя нет, тех самых кровных авторитетов, которые смогут защитить. Но попадались и чуткие, и отзывчивые, которые любили свою работу и активно принимали участие в судьбе каждого ребёнка. Но в целом мнения меняются – от взрослых до детей, до твоего временного окружения. Конечно, я предпочту ваше положение –

быть воспитанным в семье. Безусловно! Но, как я говорил, человека воспитывает или семья, или безжалостная система детдома или, проще говоря, улицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.